

НЕО-БУДИЗМ:

ОТВЕТ Е. П. БЛАВАТСКОЙ НА КРИТИКУ В. С. СОЛОВЬЁВЫМ КНИГИ «КЛЮЧ К ТЕОСОФИИ»

Примерно через год после выхода в свет «Ключа к Теософии» в России появилась критическая статья на эту книгу знаменитого в то время философа Владимира С. Соловьёва, брата менее знаменитого, но тем не менее известного всем западным теософам Всеволода Соловьёва, «прославившегося» своей низкой и лживой книгой о Блаватской, вытущенной им после её смерти. Рецензия Владимира Соловьёва также не отличалась ни правдивостью, ни объективностью, ни знанием предмета. Очевидно, нелюбовь к теософии и её провозвестникам была в крови у обоих братьев. Однако их сочинения вольно гуляли по России, тогда как теософические труды Елены Блаватской были недоступны русскому читателю.

Нынешние русские теософы (да и не только теософы) тоже хорошо знакомы с сочинениями обоих Соловьёвых, но ещё не успели как следует изучить труды самой Блаватской. Также мало кто знает, что Елена Петровна написала статью в ответ на «критику» Владимира Соловьёва и пыталась поместить её в русской прессе. Но в связи с предубеждением русского общества против неизвестной им Теософии и ходячим ложным мнением о самой Блаватской, ей не было дозволено защитить ни теософию, ни свою книгу, ни собственное имя в глазах горячо любимой ею России, ибо статья эта так никогда и не была опубликована ни в одном из русских журналов. Желая хотя бы частично восстановить справедливость по отношению к Елене Петровне Блаватской, мы решили поместить статью в нашем приложении. К сожалению, нам не удалось найти оригинальный русский вариант этого сочинения, поэтому мы предлагаем её русскому читателю в «обратном» переводе с английского и с небольшими сокращениями.

*

* *

В разделе «Критика и Библиография» в «Русском Обзрении» за август 1890 г (стр. 881-886) я наткнулась на рецензию Владимира С. Соловьёва на свою книгу «Ключ к Теософии», что само по себе весьма лестно; и, обнаружив критический разбор своего труда столь знаменитой личностью и в столь уважаемом журнале, я, как автор «Ключа», должна была бы удовлетвориться оказанной честью. Но на деле всё вышло иначе, и вот по какой причине: статья г-на Соловьёва оказалась вовсе не критическим обзором и даже не обычной критикой, а просто огульным *искажением книги, от первого до последнего параграфа*, как целиком, так и её отдельных и умело выбранных мест, показавшихся критику «особенно любопытными».

Думалось, что такому известному в России философу, как г-н Соловьёв, хотя бы ради собственной репутации, следовало бы по существу и добросовестно оценить разбираемую им книгу, а заодно и узнать побольше об индийской философии, прежде чем давать свои заключения *ex cathedra** относительно того и другого. Однако по прочтении его статьи каждому, кто хорошо знаком с моей книгой и знает английский язык, становится ясно, что критик не удосужился внимательно прочитать её, а если и прочёл, то не постиг смысла тех пунктов, которые он решил покритиковать. Это очевидно. Ибо нельзя же предположить, что, готовя статью для раздела «Критика и Библиография», г-н Соловьёв руководствовался не фактическим материалом и не философской системой, описанной в труде, а лишь предубеждением против автора, или же против самой системы, которую ему не удалось понять. *Профессиональная зависть*, вроде бы, неуместна здесь.

* *Ex cathedra*, лат. С профессорской, лекторской кафедры. – Прим. перев.

Причём, беспокоит меня в связи с этим не столько моя репутация, сколько искажение учений, приписываемых мне; не гордость автора, коим я, между прочим, не являюсь, а ошибки критика, – как нарочитые, так и случайные. Его небрежность порою просто феноменальна. Искажая и Теософию, и Индийскую философию, он делает ошибку чуть ли не в каждой строчке. Поэтому я считаю своим моральным долгом поправить его, как для того, чтобы защитить вверенное мне Общество, так и для пользы русского читателя. Кроме того, питая сердечную любовь к своей родине, – какой я желаю всем русским *за пределами* России, – а значит дорожа мнением всех православных русских людей, я не могу обойти молчанием странные выводы г-на Соловьёва. В России лишь очень и очень немногие знают о Теософическом Обществе, или же знакомы с его идеями и читали теософические книги, которые редко можно найти в русских книжных магазинах. И вот читателям, которые впервые о нас слышат, мы – эти малоизвестные теософы – представлены хорошо всем известным г-ном Соловьёвым как «нео-будисты» и «атеисты», а заодно и как игнорамусы, если не просто болваны, играющие в философию.

Говоря откровенно, бесчестно обманывать читателя такого рода *критикой*; и ещё более бесчестно исказить мысли автора, выдёргивая наудачу отдельные фразы (потому поддающиеся неверному толкованию) из недоступной для читателя книги на чужом языке и искажая все её главные идеи, набросать несколько страниц в эдаком небрежном и насмешливом тоне, выдавая всё это читающей публике за последнее слово «Теософии»!

Не задерживаясь на таких пустяках, как искажение моего имени (Блавацкая вместо Блаватской), хотя критик и представляет меня как «весьма известного автора», и не придавая особого значения таким промашкам, как, например, замена «Разоблачённой Изиды» на «Изиду без покрывала», хотя это и указывает на недостаточное знание им английского языка, я скажу слово-другое вот о чём: г-н Соловьёв, как бы в защиту «г-жи Блавацкой», уверяет публику, что она не могла «выдумать тибетское братство, или *духовный орден келанов*» (?!), ибо в книге миссионера Гюка, написанной им «за тридцать слишком лет до основания теософического общества», можно найти о нём «положительные и достоверные известия». Позволю себе спросить критика, где это он читал или слышал, чтобы гордые брамины когда-либо называли «Махатмами» монгольских *хе-лангов* (ламаистских буддистов)? Неужто я не достаточно ясно пояснила в своих письмах («Из Пещер и Дебрей Индостана»), что тот, кого мы считаем своим главным учителем (и в ком индусы признают *Махатму*), – раджпут по рождению, и значит принадлежит к касте кшатриев, или воинов? Нам известны и другие раджа-йоги, – брамины и гималайские аскеты, мистики разных наций, среди которых есть и монголы, но они, конечно, *не* хе-ланги. Да и разве могли бы не то что хе-ланги, но даже *хутукты* и *хубилганы* (воплощения разных будд и бодхисаттв) научить нас чему-либо кроме ламаистского буддизма? Однако здесь не место говорить о наших учителях; по той причине, что, хотя отношения между нами и нашими «скрытыми вдохновителями на дальнем Востоке не могут заключать в себе ничего предосудительного», – как это единственный раз верно подметил г-н Соловьёв, – всё же было бы лучше, «если б эта загадочная связь оставалась тайной». Что очень правильно, ибо на Западе (и даже в России) эти отношения становятся причиной личных амбиций и самолюбивых интриг среди *псевдо-Теософов*, которые и превращаются затем в бессовестно лгущих и непримиримых врагов Теософического Общества, и в особенности моих – его *козла отпущения*.

Затем, почему г-н Соловьёв выражает такое удивление (или радость?) по поводу моего признания в «Ключе», что наше Общество порой являет собою «довольно-таки жалкий образчик» всемирного братства? Возможно, если сделать скидку на происходящее вокруг ежедневное *Таинство* (да позволят мне такой термин), я выказала излишнюю строгость по

отношению к нашим Членам. Ибо где же на земле, в каких это кругах нет «зависти, раздоров и всяких дрязг?» Действительно, если даже в семьях часто видишь вражду, не позволяющую кровным братьям пожать друг другу руку, то можно ли надеяться избежать разногласий в многотысячном «духовном» братстве людей разных рас, вероисповеданий и характерных особенностей? Разве они не естественны в таком огромном содружестве? Актом присоединения к Обществу человек лишь выражает свою симпатию к его основным целям. Но если он не Теософ по природе своей, то так и останется, «кость от кости», тем же старым Адамом. Из этого однако не следует, что из-за нескольких недостойных членов, следует бросать тень на всё Общество. Но именно это и делает г-н Соловьёв, утверждая наперекор всем правдам, что «о большинстве остающихся [членов] г-жа Блавацкая высказывает не очень высокое мнение», тогда как я в своей книге утверждаю прямо противоположное!* Но довольно об этих незначительных ошибках, относительно меня одной. Перейдём к более важным.

* В своей статье г-н Соловьёв упоминает «трогательное *прямодушие* автора Ключей» – искренне сожалею, что принимая во внимание его *критику*, не могу вернуть ему такой же комплимент.

Для чего, например, г-ну Соловьёву понадобилось определять «Ключ к Теософии» как «*катехизис нео-будизма*», если такой термин не встречается ни в разбираемой им книге, ни вообще в Теософической литературе? Не для того ли, чтобы с самого начала настроить православного русского читателя, – неосведомлённого о разнице между будизмом с одним *д* и буддизмом с двумя *д*, – против русского автора и её Общества; читателя, не ведающего к тому же, что не только христианские члены нашего Общества видят в Христе Бога, нисшедшего на землю, но и остальные теософы (буддисты, брамины, парси, мусульмане и пр.) признают в нём величайшего Архата и Пророка? Можно было бы понять, если бы я, разбирая, например, в каком-нибудь английском журнале некоторые лекции или сочинения г-на Соловьёва, определила их как «*нео-папизм*», ибо именно в этом свете их и рассматривает вся православная Россия. Но где же *нео-будизм* в наших учениях? – Его там нет, а есть лишь много старого доброго *Гнозиса*. Кроме того, вся наша литература свидетельствует, что *истинные* теософы, почитая всемирную мудрость, в действительности, почитают ту же мудрость, о которой говорит Св. Иаков в третьей главе своего *Послания* [стих 17] и которая есть «мудрость, нисходящая свыше, [и которая] во-первых чиста, потом мирна, скромна, послушлива, полна милосердия и добрых плодов, беспристрастна и нелицемерна»; и что по совету того же Апостола [стих 14, 15] они избегают мудрости, которая «земная, душевная, бесовская». И если мы, пытаясь в меру сил своих следовать высшей мудрости, используем слово *Бодхи*, вместо *София*, так это потому, что, во-первых, оба эти слова (и санскритское и греческое) – *синонимы*; а во-вторых, потому, что среди членов нашего Общества на каждого европейца приходится пятьдесят азиатов – браминов и буддистов. К чему же тогда префикс «нео», если *Бодхи* или *София*, т. е. «мудрость свыше», старше самого создания мира? Философия, определённо, не началась с г-на Соловьёва, да и мудрость не умрёт с ним! Скажи он, что, предпочитая дух мёртвой букве, мы ищем эту вечную мудрость и истину в основных принципах и прототипе до-христианских религий, искаженных ныне «земной бесовской мудростью», – что и позволяет близоруким и невежественным видеть в нас то ли язычников, то ли *буддистов*, – он бы не ступил за пределы фактов и имел полное право, отстаивая свою точку зрения, критиковать нашу систему как и сколь ему угодно. Но не это он делает, а настойчиво приписывает «Ключу к Теософии» то, *чего там нет и никогда не было*.

Вот, например, что утверждает г-н Соловьёв, на странице 882: «Любопытно, впрочем, что из числа религий, имеющих в своей основе теософическую истину, исключается религия иудейская, как не выражающая никакой истины, по мнению автора», т. е. по моему

мнению (курсив мой). Это совершеннейшая неправда. Одно из двух: либо г-н Соловьёв настолько плохо знает английский, что сбитый с толку соотношением слов, принимает часть за целое; либо просто желает очернить автора «Ключа». Ниже я привожу слово в слово ту выдержку из «Ключа», [см. стр. 39-40], на которую он ссылается.

Итак, процитировав предложение из Декларации Принципов Американских Национальных Клубов, в котором утверждается, что «Принцип Братства Человечества является одной из *непреходящих* истин, устремляющих мировое развитие в направлениях, отделяющих человеческую природу от природы животной», и заметив, – «Что может быть более теософским?» – я продолжаю следующим образом: «...И всё же этого недостаточно. Нужно также подвести людей к мысли о том, что если корень человечества *един*, то должна быть и одна истина, находящая своё отражение во всех религиях, несмотря на всё их разнообразие, – кроме иудейской, ибо вы не найдёте её *выраженной* даже в Каббале.»

Неужто это означает, что мы не признаём в еврейской вере *никакой истины*? Разве он не понимает, что под *истиной*, о которой я говорю на этой странице, имеется в виду «истина» *принципа братства*, а не божественная истина вообще? Не могу удержаться от подозрения, что он прекрасно всё понимает, и тем не менее спешит очернить меня в глазах тех, кто почитает Ветхий Завет. Ну что ж, предоставим поведение сего «критика» суду всех справедливых и непредубеждённых людей. Это порочащее измышление не имеет под собой абсолютно никакого основания, что и может быть легко доказано, если просмотреть наши журналы. Теософы коллективно уважают Библию, так же как и священные писания других народов, находя в ней те же вечные истины, что в *Ведах*, *Зенд-Авесте*, *Трипитаке* и пр.; а христианские теософы видят в ней высшую истину. В нашем Обществе столько же христиан, сколько и благочестивых иудеев (даже раввинов), браминов, буддистов, парсиев, мусульман, раскаявшихся материалистов и атеистов; последние, однако, не изучают [религиозную] философию. Также Теософическое Общество никогда не было «сектой» – ещё одно заблуждение критика. *Оно включает в себя представителей всех сект и религий*, причём ни от кого и никогда не требовалось отречься от своей веры, вступая в Общество.* Оно основано на чистой этике и *в духе* чистой науки, а не мёртвой буквы; поэтому теософы и изучают *Упанишад*ы, Каббалу, Герметические Науки и Символизм, без ключа к которым невозможно понять ни *Веды*, ни Ветхий Завет. Г-н Соловьёв, разумеется, не станет возражать против того, что *Пятикнижие* Моисея, и особенно *Бытие*, полны аллегорий и фигуральных выражений. Ведь именно это и утверждает Апостол Павел (см. *Послание к Галатам*, iv, 24), когда говорит, что в истории об Аврааме и его двух сыновьях, в повествовании о Саре и Агарь «есть иносказание». Тому же учили и Отцы Церкви, и еврейские философы, и раввины, как например, Ориген, Климент Александрийский, Гиллель, Филон Иудейский, Маймонид и пр., вплоть до нашего времени.

* За исключением нескольких агностиков, все члены *внешней* (экзотерической) секции Теософического Общества продолжают исповедовать религию, в которой они рождены, следуя её догмам и традициям, как они делали это прежде, чем стать Теософами. А так как г-н Соловьёв уже много лет знает о нашем Обществе, то ему должно быть известно, что Теософия – это не «*религия без твёрдых догматов*», – как он её определяет, а *универсальная система философии* абсолютно без каких-либо *выдуманных человеком* догматов. Поэтому наше Общество, как таковое, не следует, в своём коллективном целом, никаким религиозным догмам, но уважает при этом верования и традиции своих членов, принадлежащих к различным вероисповеданиям.

Та же слабость в переводе и выводах характерна и для слов критика о Божестве в Теософии, о «*страстной душе*» (*средоточии человеческих желаний*), о молитве воли и всего остального. Очевидно, поэтому он и не может найти в книге никаких «определённых и твёрдых указаний», и ему кажется, будто «г-жа Блавацкая колеблется то

в ту, то в другую сторону». Осмелюсь заверить знаменитого философа, что я вовсе даже не колеблюсь, в чём, надеюсь, он и сможет убедиться сам, когда подучит язык, на котором написана моя книга.

Далее, что он пытается выразить, когда говорит, что *наше* божество «то определяется [нами] как абсолютное бытие, то признаётся лишь чистою абстракцией?» Может ли нечто абсолютное (бытие или *не-бытие*) быть чем-то иным, как не «чистой абстракцией» для ограниченного человеческого мышления, обусловленного в своих концепциях формой? Должна ли я, пигмей в сравнении с таким философским гигантом, учить его, что в истинной философии *вечное* и *абсолютное* разделяет бездна? Разве можно «дробить абсолютное единство», и разве может абсолютность иметь какое бы то ни было отношение к конечному и обусловленному? Читая критику г-на Соловьёва, можно подумать, будто я обучаю членов нашего Общества некой новой, изобретенной мною философии. Мне казалось, что всем, кто знаком с нашими учениями, известно, что все подобные мировые вопросы объясняются не «Мадам Блавацкой», а философией *Упанишад* (*смотри ниже*), ключ к пониманию которых следует искать в сокрытых трудах Веданты, пока что недоступных ориенталистам.

Что же касается философии Индии, то критик, очевидно, знает о ней ещё меньше, чем о теософии. Так, ради удовольствия указать «нашему автору» (его покорному слуге), что он «не имеет права приписать» автору «Ключа» (это значит мне) «ни один из разнохарактерных взглядов» индийской философии; иными словами, что моя (?) Теософическая система глупее, чем «низшая из индийских степеней умозрения», – наш критик ставит себя в затруднительное положение. Ибо он сообщает миру о якобы существовании «шестнадцати систем индийской философии» (!!!). Могу уверить нашего русского философа, что он сильно заблуждается; ибо в Индийской философии существует лишь *шесть* признанных систем, известных как Шад-Даршаны, дословно, *шесть демонстраций*, или «шесть школ».* Г-н Соловьёв ссылается на «свод систем» Мадхавачарьи в труде под названием *Сарва-Даршана-Самграха*, в котором этот сектант XIV века анализирует 16 систем, помещая буддизм на последнюю ступень мировых концепций. Но тут наш критик кое-чего недоучёл: первое, что в Индии – где на протяжении многих столетий число буддистов было не так уж велико, – буддизм никогда не расценивался как школа; и второе, что свод систем Мадхавачарьи – это просто незаконченный каталог ортодоксальных и еретических сект, существовавших в его дни, с которыми он и боролся всю свою жизнь, отстаивая и восхваляя *собственную систему* (а ныне секту) Дваиты (или дуализма), основателем которой он был. Таким образом, это вовсе не «свод систем индийской философии», а всего лишь свод мнений Мадхавачарьи, фанатичного ведантиста и поклонника Вишну.

* А именно: (1) *Ньяя*, логическая школа Риши Гаутамы; (2) *Вайшешика*, атомистическая система Канады; (3) *Санкхья*, пантеистическая школа Капилы; (4) *Йога*, мистическая школа Патанджали; (5) *Пурва* (ранняя) Миманса; и (6) *Уттара* (поздняя) Миманса Вьясы, называемая *Ведантой*. Существует также седьмая школа, намного более поздняя, *Паурамика*, или эклектическая школа, представленная учениями *Бхагават-Гиты*, но она не включена в число древних *даршан*. Ни одна из более поздних школ не принимается во внимание.

Также, откуда у г-на Соловьёва идея, что «Веданта, или абсолютный пантеизм»,* ... высшая и шестнадцатая [?] система, была основана философом Самкара-Ачарья? – это утверждение в трёх строках содержит три грубые ошибки. Прежде всего, Веданта не *шестнадцатая* система, а система, включающая в себя 5-ую и 6-ую школу интерпретаций (или Мимансы); затем, «Самкара-Ачарья» (*Шанкарачарья*, что значит Учитель Шанкара) не мог быть *основателем* Веданты, *потому что Веданта уже существовала за тысячу*

лет до его рождения,** и, наконец, *Веданта* сама по себе не школа, а, как уже было сказано, система интерпретаций *Вед*, *Упанишад* и *Мимансы*; это описательный термин и означает буквально «конец *Веды*», то есть *конец знания* или познания (*Видьи*)***; а по-другому – конец *Брахма-джняны*, или «знания о Божестве». Шанкарачарья был великим йогом и реформатором, учившим идолопоклонников универсальному единству божества (Парабрамы) и души, духа и материи, и получивший за это прозвище *перодеетый буддист*; причём школа его вывернула наизнанку весь Ведантизм. Даже ориенталисты называют иногда его школу *новой Ведантой* или *нео-ведантизмом*, точно как наши недруги величают нас «нео-буддистами» – термин, в обоих случаях, и не талантливый и не верный.

* Не совсем «абсолютный» пантеизм. Веданта подразделяется в Индии на три аспекта, или секты, а именно, – *Адвайта*, основанная Шанкарачарья и единственно *абсолютно пантеистическая*; *Двайта*, секта Мадхавачарья, которая учит чистому *деизму*; и *Вишиштадвайта*, находящаяся где-то между первыми двумя. Все три секты принадлежат системе *Веданта*, но *двайта* никогда не были пантеистами. ** Если г-н Соловьёв отсылает меня к *Сарва-даршана* Мадхавачарья, в переводе Коуэлла (лучшего английского санскритолога, между прочим), тогда я отошлю его к Эльфинстоновской «*Истории Индии*», подготовленной к печати самим Коуэллом. На странице 130 этого заслуживающего доверия труда, под заголовком *Веданта, или Уттара-миманса Школа*, сказано: «*Основание этой школы приписывается Вьясе, предполагаемому составителю Вед, жившему около 1400 года до н. э...*» Это, кажется, достаточно всё проясняет! Шанкарачарья был лишь толкователем Веданты и *Упанишад* и создателем внутри своей системы *Адвайта* школы.

*** Слово «Веды» произошло от корня *вид*, «знать», или «понимать». *Веды* также называются *брахма-видья*, что значит «понимание», или «мудрость, касающаяся Брамь»; *Риг-Веда* приписывается перу самого этого божества, а три другие *Веды* – его непосредственному откровению. *Брахма-видья* в переводе и означает «теософия».

В системе *Адвайта* сокрыто очень много истинного учения Будды – *Будхизма* [или Будизма с одним *д*], которое он передавал своим Архатам. Это всемирная система сокрытой науки, объемлющая все другие *эзотерические*, или *тайные* учения, такие как Каббала Танаимов, *Зогар* Симона-бен-Иохаи, *Книги Гермеса* и пр. О том, что подобные учения существуют и по сей день, свидетельствуют *Упанишад* («эзотерическая доктрина») даже в переводе ориенталистов.* Эйтель, Инспектор Школ в Гонконге (автор Санскритско-Китайского Словаря), и миссионер Эдкинс (проживший всю жизнь в Китае и изучивший китайскую систему философии и буддизм во всех его аспектах в том виде, в каком он существует в Небесной Империи и Тибете), посвятили в своих трудах целые главы «тайным школам». Но так как из истинного учения им почти ничего не известно, то они, понятно, и говорят много глупостей. *Упанишад*, по утверждению санскритских пандитов, уничтожают невежество и ведут тех, кто их изучает, к *духовному освобождению*, путём знания и лучшего понимания божественной истины. Разве не то же самое мы находим у Иоанна (viii, 32) относительно учений Христа: «и познаете истину, и истина сделает вас свободными»? И если *Брахманы* (дополнение к *Ведам*), исполненные сухой обрядности, мёртвой буквы ритуализма и идолопоклонничества, являются *Талмудом* индусов, то *Упанишад* – их Каббалой, объясняющей дух мёртвой буквы. Однако для совершенного понимания *Упанишад* и Каббалы требуется ключ, который находится в руках «посвящённых» Адептов Гупта-Видьи (тайной науки); они-то и являются авторами книг по Веданте.** Шанкарачарья был самым замечательным из Адептов (после Будды); и Адвайта ведантисты считают его *воплощением*, или *Аватара*, бога Шивы, великого Йога (Махайога) Индии. Он был одним из лучших толкователей *Упанишад* по системе Веданты, но были и лучшие. Покинув сей мир в возрасте всего лишь 32-х лет, он успел объяснить только *часть* целого; и согласно традиции, в мире больше нельзя найти никого, кто мог бы от начала до конца объяснить тайные науки; хотя все они содержатся в *Упанишадах*....

* Около тридцати лет назад *Упанишады* (состоящие из коротких трактатов, числом примерно в 150) начали постепенно исчезать, сокрытые браминами; из оставшихся лишь около 20 не несут на себе никаких следов подделки. В Индии широко распространён слух, что все лучшие *Упанишады*, также как и разъясняющие их книги Веданты (создаваемые на протяжении столетий и дающие ключ к *Упанишадам*), находятся в руках посвящённых Тарака-раджа-йогов в главных монастырях ведантистов, принадлежащих к адвайта школе; а также в руках некоторых независимых йогов, адептов-мистиков, разбросанных в джунглях Гималаев и на неприступных вершинах горных кряжей Южной Индии. Эти братства, или коммуны существовали тысячелетиями; и в наши дни их всё ещё достаточно, чтобы можно было сформировать некоторое мнение о них. Однако с каждым годом настоящих *знающих йогов* становится всё меньше и меньше; их сменяют шарлатаны и невежественные паразиты, живущие за счёт суеверных народных масс. Я надеюсь в ближайшем будущем снабдить русскую периодику статьёй о современных йогов с описанием некоторых из ашрамов (т.е. мест уединения), известных в Индии. [Смерть помешала Е.П. Блаватской осуществить это намерение.]

** В доказательство того, что именно в *Упанишадах* должны мы искать источник всех последующих систем философии Малой Азии и Европы, я приведу мнение Эльфинстона из его *Истории Индии* (под редакцией Коуэлла): «Анализируя древние *Упанишады*, замечаешь, что они отличаются одной замечательной особенностью – полным отсутствием в их доктринах какой бы то ни было браманической исключительности. Они проникнуты совершенно иным духом – свободой мысли, не присущей ни одному раннему труду, кроме самих гимнов *Риг Веды*. Учителя высшего знания в них – не брамины, но кшатрии; и брамины постоянно изображаются там направляющимися к великим царям-кшатриям, чтобы стать их учениками.

Эти древнейшие учения в мире и свидетельствуют о *Теософии*, или *Религии Мудрости* (религии разума); и мы называем наше учение религией лишь потому, что его догматы объединяли, однажды, всю человеческую расу через духовное мышление.

Тот, кто понимает сущность и значение вселенской истины, не станет удивляться, обнаруживая там и тут фрагменты её лучей; и не только в древних философских верованиях, но даже в грубом фетишизме дикаря всё ещё можно найти затухающие искры той истины. И дикарь не повесил бы *произвольно* ярлык «нео-будизма» на то, что заключает в себе семя всех древних и современных концепций жизни; и не заявил бы, зная он учения Евангелий, что «чистый луч универсального начала, преломляемый человеческим сознанием», – это «*просто метафора*». Также помня наказания, – «Я и Отец одно», «Отец во Мне и Я в Нём» (*От Иоанна*, х, 30 и 38), и особенно разделяющиеся языки огненные (*Деяния*, ii, 3), – он не стал бы вопрошать: «*Откуда берется само это человеческое сознание с его способностью разлагать божественный свет, дробить абсолютное единство?*» Более того, если бы ему были известны слова Апостола Павла, – «Разве не знаете, что вы храм Божий, и *Дух Божий живет в вас?*» [*1 Кор.*, iii, 16], а также утверждение самого Христа в ответ на клевету фарисеев, – «не написано ли в законе вашем: *Я сказал, вы – боги?*» (*От Иоанна*, х, 34), – то и не обвинил бы он теософов в самообожествлении, подобно г-ну Соловьёву, который – уверяя публику, что теософия – это религия «с очень определённым и в сущности исключительным направлением к самообожествлению человека и против всяких сверхчеловеческих начал», – просто искажает правду и огульно клеветает на нас.

Однако ж, довольно. Остаётся лишь добавить, что если бы критик изучил теософические учения хотя бы наполовину, так же как он изучил папизм и иудаизм, то легко преуспел бы в трудном задании изложить смысл наших учений. И тогда, возможно, он вообще воздержался бы от того, чтобы писать о «Ключе к Теософии», ибо *он понял бы, что книга эта не предназначалась для России – единственной страны, где всё ещё можно отыскать чистый идеал Христа*; и знал бы, для чьей пользы цитировала я евангельскую притчу о древе, которое познаётся по плодам своим.*

* Я советую г-ну Соловьёву прочесть мою статью в *North American Review* (Нью-Йорк, август 1890 г), озаглавленную «Прогресс Теософии», в которой он найдёт перечисление *плодов* Теософического древа.

Ключ был написан для стран, где возможны такие вещи, как Армия Спасения, с её дикими уличными выкриками и куплетами из оперетки, в которых имя «прекрасной Елены» заменено на имя Того, кого они называют Сыном Божьим. Для страны, где в настоящий момент насчитывается не менее *шестнадцати воплощений Христа*, начиная с преподобного миссионера Швейнфурта и заканчивая Кеннеди, бывшим вором из исправительного заведения, а ныне *Мессией* сектантов Коннектикута. Книга предназначалась для таких псевдо-христианских стран, как Англия,— где епископы выступают с публичными речами против «Нагорной Проповеди», называя её утопией,* — и как Америка, — граждане которой (члены 772-х воюющих друг с другом сект) на каждую церковь и часовню открывают по пять питейных заведений и столько же домов терпимости. Для стран, в которых ханжество, безумная погоня за деньгами, суеверие вместо религии и пороки всех сортов, в их самых отвратительных аспектах, давно уже уничтожили не только что веру в божественное я человека и в бессмертие его души, но и все высокие человеческие чувства.

* Как например, епископ епархии Питерборо.

Наконец, г-ну Соловьёву стало бы ясно, что «Ключ к Теософии» не содержит никакого особого учения, а просто является попыткой исправить некоторые дикие представления публики о верованиях азиатских Мистиков и Теософического Общества. И если бы г-н Соловьёв всё это знал, то не было бы надобности и в моём ему ответе, смысл которого заключается в бессмертном выражении:

«Не суди, да не судим будешь.»

Е. Блаватская
(Радда-Бай)

Лондон,
Сентябрь 1890 г.

Перевод с английского Жанны Россовой